

возможный автоматический поиск информации об участниках уголовного процесса по уголовным делам, находящимся в производстве следователей Следственного комитета; реализацию функции автоматического составления описи уголовных дел, материалов проверки, подготовки отчетов о следственной работе.

Список использованных источников

1. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов / А.Ф. Абдулвалиев // Право и политика. – 2013. – № 1. – С. 58–65.
2. Качалова, О.В. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О.В. Качалова, Ю.А. Цветков // Рос. правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.
3. Познанский, Ю.Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки / Ю.Н. Познанский // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2015. – № 1. – С. 41–44.

Дата поступления в редакцию: 25.07.17

P.V. Gridyushko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus; N.S. Bushkevich, an investigator for special cases Department on Practice Analys and Methodological Support of the Preliminary Investigation of the Investigative Committee of the Republic of Belarus

ABOUT THE ELECTRONIC FORM OF CRIMINAL PROCESS

The article considers the possibility of introduction of criminal procedure in digital form. The experience of Georgia in this field has been analyzed. The attention is focused on the possibilities of simplifying procedural order of registration proceeding, keeping statistics, etc. The author's view on the implementation of proposed findings has been given.

Keywords: criminal procedure, procedural documents, electronic criminal case, digital form.

УДК 343.14

П.В. Мытник, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: pmytnik@yandex.ru)

О ПЕРМАНЕНТНОЙ ДИСКУССИИ: ДОСТИЖЕНИЕ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В двух частях

Часть 2

Проведен обзор мнений ученых, являющихся противниками достижения истины в уголовном процессе. Рассматриваются препятствия для установления абсолютной (материальной) истины в уголовном процессе. Обосновывается тезис о доказывании «вне разумных сомнений».

Ключевые слова: доказывание, истина, конвенциональная истина, задачи, обстоятельства, подлежащие доказыванию, приговор, цель, уголовный процесс, Уголовно-процессуальный кодекс.

В теории уголовного процесса высказывалась, отстаивалась (и продолжает отстаиваться) точка зрения, согласно которой философские категории «абсолютная истина» и «объективная истина» неприменимы к истине, устанавливаемой в уголовном процессе.

Является ли суд всезнающим существом, способным совершенно достоверно, без искажений, познать прошлое или установить обстоятельства дела такими, какими они были в действительности [1]?

Еще в начале XX в. русский юрист И.В. Михайловский указывал, что «задачей всякого, а значит и уголовного, суда должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической» [2, с. 93].

Чуть позже исследователь В.К. Случевский полагал, что «...о полной несомненности не может быть и речи в области исследования, и в делах судебных судья вынужден по несовершенству средств человеческого правосудия удовлетвориться по необходимости лишь более или менее высокой степенью вероятности» [3, с. 397].

Говоря о советском периоде развития общества, следует отметить превалирование точки зрения, согласно которой в уголовном процессе устанавливается истина. Но уже в 60-е гг. XX в. П.С. Элькиндр отмечала: «В той же мере, в какой суждение о непознаваемости истины в уголовном судопроизводстве разоружает компетентные органы государства в борьбе с преступностью, недооценка... трудностей дезориентирует эти органы (должностных лиц) в преодолении таковых, содержит опасность привлечения и осуждения невиновных» [4, с. 110].

После распада СССР многие процессуалисты стали приверженцами доказывания тезиса «вне разумных сомнений» или конвенциональной истины.

Например, С.А. Пашин считает, что «юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом», ибо «...с помощью доказательств не устанавливается истина», а только «обосновываются определенные выводы по делу» [5, с. 312, 322].

В частности, Н.А. Колоколов критически оценил законопроект, подготовленный Следственным комитетом России (внесен депутатом А.А. Ремезковым в 2012 г., не принят), суть которого – закрепление объективной истины в уголовном процессе России. Автор отмечает, что «конвенциональная истина – это результат соглашения. Данный вид истины – база медиации, досудебных соглашений о сотрудничестве. Конвенциональная истина ничего общего не имеет с объективной истиной, однако она удобна» [6, с. 325]. «Объективная истина – всегда субъективна, ибо такое ее качество, как „объективность“, определяют субъекты» [6, с. 328].

В отзыве на указанный законопроект Верховный Суд России отметил: «Субъективный характер оценки доказательств не должен умалять законность и обоснованность принятых решений, однако какие-либо критерии, позволяющие определить неоспоримое достижение объективной истины, по нашему мнению, предусмотреть в законе невозможно» [7].

Так, Н.А. Колоколов справедливо отмечает: «В текущий момент времени принято проблему доказанности подменять проблемой некой объективной (читай „абсолютной“) истины. Мы неоднократно утверждали, что это – утопия» [8, с. 30].

Обращаясь к теории аргументации в уголовном процессе, А.С. Александров пишет: «...Теория доказательств является более искусством, а не «настоящей» наукой. Вместе с другими гуманитарными науками (социологией, политэкономией, историей) юриспруденция не дает каких-либо рациональных оснований культуре, не открывает подлинных «закономерностей», но является субкультурой среди других субкультур... Судебная истина – это докса (мнение). Это только вероятное знание. Достигнутое в уголовном судопроизводстве знание о фактах, составляющих предмет правового спора, никогда не бывает окончательным, вполне однозначным и достоверным, а тем более полным, абсолютным. Хотя суду, конечно, необходимо стремиться к рациональной достоверности» [9]. Исследователь отмечает, что «в идеале каждый преступник должен быть по справедливости наказан. Но это недостижимый идеал» [9]. Не в последнюю очередь потому, что сами человеческие представления об истинном, справедливом являются относительными, изменчивыми. «Состязательный уголовный процесс в познавательном аспекте основывается на концепции относительной (судебной) истины и здравого смысла судящих как критерия достижения ее в данном деле. ...Состязательное судопроизводство, имеющее целью формальную (процессуальную) истину, включает в себя оперирование юридическими презумпциями, фикциями» [9].

Так, российскими учеными (в частности, А.С. Александровым) разработана Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ. Согласно ст. 1.1 разработанного ими проекта Уголовно-процессуального кодекса «истина судебная (процессуальная)» – «наивысшая степень вероятности знания об обстоятельствах исследуемого события, доступная в данном уголовном деле и достаточная для справедливого разрешения уголовно-правового спора, принятия окончательного процессуального решения»; «вне разумного сомнения» – «предусмотренный настоящим Кодексом доказательственный стандарт высшей (третьей) степени вероятности, предназначенный для вынесения судом обвинительного приговора, представляет собой совокупность доказательств, которая убедила бы по окончании судебного разбирательства любое объективное (непредвзятое) лицо в виновности подсудимого по предъявленному и поддержанному обвинению» [10].

По мнению Н.В. Осиповой, «никаким микроскопом истину в уголовном процессе не разглядеть. ...Полагаем, что уместно вести речь не об объективной, а о конвенциональной концепции

истины, согласно которой суждение является истинным не потому, что соответствует действительности, а в силу действия конвенции (соглашения), признающей это суждение истинным. ...Абсолютно объективных знаний не существует» [11, с. 39, 42].

При всем сказанном важно отметить, что понятие «истина» используется законодателями отдельных государств.

Согласно абз. 2 § 244 УПК ФРГ [12] «для выяснения истины суд должен по официальной инициативе распространить исследование доказательств на все факты и средства доказывания, имеющие значение для принятия решения». Однако в случае невозможности ее достижения, как разъяснил Верховный Суд Германии, «...судья должен довольствоваться такой степенью вероятности, которую он достигает при возможном, исчерпывающем и добросовестном использовании имеющихся доказательств» [13, с. 480].

Например, американский профессор права С. Тейман принцип установления истины по уголовному делу называет инквизиционным и псевдонаучным, а притязания на установление истины по делу – лицемерными [14, с. 36].

А вообще в США господствующей является точка зрения, согласно которой полностью избежать ошибок при установлении обстоятельств прошлого в судопроизводстве невозможно. В уголовном процессе обвинение должно быть доказано с такой степенью достоверности, чтобы не оставалось никаких разумных сомнений во всех пунктах обвинения [1].

Такой же подход воспринят и законодателем Грузии. Согласно п. 13 ст. 3 УПК Грузии «вне разумного сомнения – совокупность доказательств, необходимых для вынесения судом обвинительного приговора, которая убедила бы объективное лицо в виновности лица» [15].

Определение «разумным сомнениям» предлагается дать Пленуму Верховного Суда России: «Разумные сомнения – это не опровергнутые обвинением предположения защиты о невиновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления. Это такие сомнения, которые остаются у судьи в виновности подсудимого после всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, исключающего все иные вероятные объяснения произошедшего. Разумные сомнения должны основываться на нормальном положении вещей и обычном ходе событий, доступных здравому смыслу судящих. Наличие разумных сомнений в правильности обвинения не позволяет любому непредвзятому, здравомыслящему человеку, рассуждающему по совести и доброму уму, признать подсудимого виновным» [16, с. 122].

В рамках рассматриваемого вопроса логично высказывание И.Б. Михайловской: «Мы никак не можем отойти от точки зрения, что каждый совершивший преступление должен нести ответственность, что по каждому преступлению должна быть установлена истина. Отойти от этого очень трудно» [17, с. 116].

Что касается Республики Беларусь, то здесь законодатель не использует термин «истина» (ст. 18, 89 УПК и др.); не оперирует таким понятием и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь (согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. «О приговоре суда»); не предъявляется данное требование и к приговору (ст. 350 УПК).

О невозможности установления истины (как полного и достоверного знания) при производстве по уголовным делам высказываются и другие ученые, что видится вполне обоснованным и объясняется существующими препятствиями к достижению в уголовном процессе истинного знания. Таковыми являются:

1. При производстве по материалам уголовных дел при принятии любого решения (утверждения) необходимо помнить о вездесущей гипотезе – случайности, которая может быть альтернативой принимаемому решению.

2. Построение процесса (стадийность) как раз и свидетельствует о том, что истина может быть не установлена, хотя «решение суда считается истиной» (пока не установлено обратное). Судебная практика во всех странах изобилует примерами, когда решение считалось истинным, однако впоследствии отменялось, однако порой ошибки устранить было невозможно. Никакие принципы, положения, права привлекаемых к ответственности лиц и обязанности правоприменителя не являются гарантией от судебной ошибки.

В истории правосудия есть трагические примеры, когда сотни и тысячи процессуальных барьеров не приводили к достижению истины в процессе уголовно-правового регулирования и наказанию, в том числе смертной казни, подвергались невинные [19, с. 33].

В 70–80-е годы XX в. (на протяжении 14 лет) на территории Витебской области маньяк Г.М. Михасевич насилывал и убивал женщин. До установления его личности было осуждено 14 невинных граждан, при этом один из них был приговорен к расстрелу (приговор приведен в исполнение); другой отбыл в заключении свыше 10 лет; третий после шести лет лишения свободы полностью ослеп и был освобожден от наказания; четвертый пытался повеситься, но его удалось спасти.

Возвращаясь к опыту Российской Федерации, следует упомянуть профессора Н.А. Колоколова, который сделал обзор ошибочных решений судов и продемонстрировал изменчивость «истины» (несколько «истин» в одном деле) [6, с. 338–349].

В США, к слову сказать, за 25 лет (1977–2002 гг.) были ошибочно приговорены к смертной казни 100 обвиняемых [20, с. 40]. Здесь речь идет об особо тяжких и резонансных преступлениях, которые вряд ли были поверхностно расследованы. «Возможны ли ошибки (и сколько) при постановлении приговоров по преступлениям иной тяжести?» – риторический вопрос.

3. Принцип презумпции невиновности и вытекающие из него правила доказывания, право обвиняемого на молчание, право не свидетельствовать против самого себя, близких родственников, а также иные случаи освобождения лиц от обязанности давать свидетельские показания (ст. 60 УПК) могут служить объективным препятствием для установления обстоятельств по делу.

Принципиальное значение презумпции невиновности означает отказ от объективной истины, для которой характерно «отсутствие предустановленных, принудительных доказательств, всевозможных презумпций и фикций». По мнению Е.Б. Мизулиной, «стремление к достижению объективной истины игнорирует презумпцию невиновности обвиняемого, ибо объективная истина... существует вне и независимо от тех принципов, посредством которых организуется процесс познания ее» [21, с. 55].

4. Правила об исключении недопустимых доказательств (ст. 8 и 105 УПК) являются гарантией прав обвиняемого и в то же время барьером для установления истины любыми средствами.

5. Не способствуют достижению истины в уголовном процессе (в философском понимании) ряд иных положений УПК: освобождение участников уголовного процесса от явки в судебное заседание, а также допрос защищаемого лица при нахождении его вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств, обеспечивающих его неузнаваемость (ст. 68 УПК); отказ государственного обвинителя от обвинения и обязательность отказа для суда (ст. 293 УПК); пределы судебного разбирательства (ст. 301 УПК). Суд вправе изменить квалификацию преступления независимо от позиции государственного обвинителя только в том случае, если это не ухудшает положения обвиняемого и не нарушает его права на защиту (ч. 5 ст. 301 УПК); имеет место сокращенный порядок судебного следствия (ст. 326 УПК); запрет на оглашение показаний свидетелей и потерпевших (ч. 2 ст. 333 УПК); запрет на ухудшение положения обвиняемого (ст. 398 УПК). Не способствует достижению истины и норма, закрепленная в ст. 406 УПК: «Пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, определения, постановления суда в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении, за мягкостью наказания или по иным основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения, постановления суда о прекращении производства по уголовному делу допускаются в течение одного года по вступлении их в законную силу и лишь по протестам уполномоченных на то должностных лиц, принесенным по этим основаниям». Пренебрегает законодатель установлением истины и при возобновлении производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 3 ст. 419 УПК).

В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должны быть указаны фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения (п. 1 ч. 1 ст. 241 УПК). Если не установлена личность обвиняемого, то вести разговор об установлении истины никак нельзя. На практике такие ситуации (невозможность установления личности обвиняемого) встречаются, что создает серьезные трудности при расследовании преступлений. Иными словами, неустановление личности обвиняемого не должно быть препятствием для привлечения конкретного лица к уголовной ответственности за совершение конкретного преступления (такое предложение обосновывается в теории уголовного процесса [22, с. 46–47]).

Проблема ускорения уголовного процесса, а также его удешевления – одна из главных для законодателей большинства государств. И не упускает этот вопрос из поля своего зрения бе-

лорусский законодатель (ст. 7, 326, гл. 47 УПК). Здесь важен акцент на ускоренном производстве (гл. 47). В определенной степени на это направлены и компромиссы в уголовном процессе (ст. 86–89 УК, п. 11 ст. 29 УПК, ст. 30 УПК), а также введенная Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-3 гл. 49¹ УПК (Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве). Что касается последнего (гл. 49¹), то добросовестный исследователь, минуя опыт законодателей России и Западной Европы, неизбежно придет к истоку – «сделке о признании вины», характерной для уголовного процесса США. Ее суть – не установление истины, а урегулирование конфликта между государством и лицом, совершившим преступление. А для тех, кто возражает, можно не соглашаться и настаивать на суде присяжных, что проще, дешевле и без претензий на истину. Возможно, к этому придет и отечественный законодатель, не смотря на лицемерные заверения отдельных авторов о возможности достижения (и достижении!) истины в отечественном уголовном процессе.

Обосновываемая позиция не является призывом к беззаконию при производстве по уголовным делам. Необходимо стремиться к истине в уголовном процессе. Другой вопрос, можно ли утверждать, что мы установили истину при производстве по уголовным делам?

Цель доказывания для должностных лиц, на которых возложена обязанность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, доказать обвинительный тезис, – выиграть спор. Можно называть это судебной, процессуальной, формальной, конвенциональной истиной, но нельзя утверждать, что истина установлена (абсолютная, объективная), т. е. следует вести речь о доказанности «вне разумных сомнений». При появлении же разумных сомнений приговор, определение, постановление суда должны быть исправлены в апелляционном, надзорном порядке, при производстве по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам.

Неопровержимым фактом является то, что судебные ошибки были, есть и будут. Приговор, иное решение суда первой инстанции изменяются (отменяются) и будут в будущем корректироваться вышестоящими судами. Никакие заклинания на тему объективной, абсолютной, материальной истины в этом деле не помогут.

Большинство решений суда первой инстанции не обжалуются и не опротестовываются. Однако это не знаменует собой установление судом истины, а означает, что решение суда устраивает стороны.

Лучший судья, как отмечает профессор Н.А. Колоколов, не тот, который установил истину, а тот – чей приговор обжалован не был. Хороший судья тот – чей приговор устоял во всех контрольных инстанциях [1, с. 360].

Список использованных источников

1. Изосимов, С. Миф объективной истины и стандарты доказывания [Электронный ресурс] / С. Изосимов. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2015/10/19/mif_obektivnoj_istiny_i_standarty_dokazyvaniya. – Дата доступа: 04.05.2017.
2. Михайловский, И.В. Основные принципы организации уголовного суда / И.В. Михайловский. – Томск : Паровая типо-литогр. П.И. Макушина, 1905. – 336 с.
3. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 683 с.
4. Элькинд, П.С. Некоторые спорные вопросы теории и практики советского уголовного процесса / П.С. Элькинд // Вопр. соврем. развития совет. юрид. науки : тез. докл. – Л. : ЛГУ, 1968. – С. 109–111.
5. Пашин, С.А. Проблемы доказательственного права / С.А. Пашин // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / С.А. Пашин. – М. : Междунар. ком. содействия правовой реформе, 1995. – 383 с.
6. Теория уголовного процесса: состязательность : монография : в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. – М. : Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – 368 с.
7. Береснева, Т. ВС поддержал законопроект об «объективной истине» в уголовном процессе / Т. Береснева. – Режим доступа: <http://pravo.ru/news/view/119139/>. – Дата доступа: 09.06.2017.
8. Колоколов, Н.А. Долгожданный возврат к следованию / Н.А. Колоколов // Уголов. процесс. – 2013. – № 11. – С. 28–35.
9. Александров, А.С. О природе аргументации в уголовном процессе / А.С. Александров. – Режим доступа: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/10-1-0-248. – Дата доступа: 27.05.2017.

10. Доктринальная модель Уголовно-процессуального доказательственного права РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/1766>. – Дата доступа: 27.05.2017.
11. Осипова, Н.В. Объективная истина в уголовном процессе как цель доказывания / Н.В. Осипова // Вест. Уфим. юрид. ин-та МВД России. – 2014. – № 3. – С. 37–43.
12. Головненков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовно-процессуальное право ФРГ» [Электронный ресурс] // Universitätsverlag. – Режим доступа: <https://publishup.uni-potsdam.de>. – Дата доступа: 01.02.2017.
13. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – М. : Зерцало-М, 2001. – 480 с.
14. Тейман, С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? / С. Тейман // Рос. юстиция. – 1998. – № 11. – С. 35–37.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/39/ru/pdf>. – Дата доступа: 05.06.2017.
16. Кухта, А.А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография / А.А. Кухта. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2009. – 125 с.
17. Место примирения и посредничества в доктрине уголовного правосудия (Экспертный семинар, проведенный сектором проблем правосудия Института государства и права РАН совместно с Общественным центром «Судебно-правовая реформа») // Государство и право. – 2006. – № 10. – С. 113–119.
18. Флетчер, Дж. Основные концепции современного уголовного права / Дж. Флетчер, А.В. Наумов. – М. : Юрист, 1998. – 512 с.
19. Квашиш, В. Смертная казнь в США / В. Квашиш, Д. Болатбаев // Рос. следователь. – 2003. – № 2. – С. 38–41.
20. Мизулина, Е.Б. Независимость суда еще не гарантия правосудия / Е.Б. Мизулина // Совет. государство и право. – 1992. – № 4. – С. 52–56.
21. Малофеев, И.В. Возможность уголовного преследования лица, личность которого не удостоверена / И.В. Малофеев // Уголов. процесс. – 2013. – № 2. – С. 42–47.

Дата поступления в редакцию: 15.07.16

P.V. Mytnyk, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Procedure of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

ON PERMANENT DISCUSSION: ARRIVING AT THE TRUTH IN CRIMINAL PROCEDURE (Part 2)

The article provides the survey of the views of the scientists who are opponents of arriving at the truth in criminal procedure. Obstacles to the establishment of the absolute (physical) truth in criminal procedure are shown. The thesis of proof «beyond reasonable doubt» is grounded.

Keywords: proof, truth, truth, conventional truth tasks, circumstances in proof, objective, Criminal Procedure, the Code of Criminal Procedure.